

УДК 343.9:321.01

В. Н. Дрёмин

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС И КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ: ПОЛИТИКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Масштабное реформирование общества в постсоветских странах привело в начале девяностых годов прошлого века к генерализованному институциональному кризису. Есть все основания утверждать, что искусственная деинституционализация в то время стала основной целью многих псевдореформаторских изменений, которые, по сути, были направлены на создание благоприятных условий для обогащения небольшой группы лиц, оставшихся у власти и возглавивших приватизацию, получившую твердую характеристику «криминальной». Большая часть населения в короткое время оказалось в деклассированном положении, что не могло не отразиться на криминальной ситуации в стране. Государство как политический институт не справилось со своими функциями, а по основным направлениям своей деятельности создавало объективные и субъективные предпосылки для незаконного обогащения отдельных лиц или групп.

Особенностью украинского общества является то, что практически в течение всего периода независимости оно находится в транзитивном состоянии, что самым прямым образом отражается на процессах его криминализации.

В самом общем смысле понятие «*транзиция*» обозначает переход из одного общественного состояния в другое («*transitus*» с латинского — *переход, прохождение*), процесс изменений в обществе, преобразование. В частности, транзицией называют процесс отказа от социалистической концепции развития средневропейских и восточноевропейских стран, которые назывались социалистическими [1]. В современной политологии термин «транзитология» обычно применяют для характеристики стран, находящихся на этапе перехода от авторитарных режимов к демократическим [2]. В последние годы содержание данного понятия

значительно расширилось и стало охватывать как политические, так и экономические, а также культурологические процессы. В постсоветской научной литературе для обозначения преобразования социалистического хозяйства в рыночное, перехода к политическому плюрализму используются также понятия «переходный период» и «трансформация». Транзитивность украинского общества является общепризнанным фактом, так как фактически все его структурные элементы находятся в стадии реформирования («переформатирования») либо в стадии создания. Безусловно, это не могло не отразиться на состоянии преступности в стране, ибо именно люди, склонные к противоправной деятельности, как никто другой, быстро реагируют на малейшие просчеты и упущения в функционировании институтов власти и управления. Если же речь идет о реформировании, например, системы правоохранительных органов, замене десятков тысяч специалистов, то в этой ситуации рост преступности будет естественным следствием таких радикальных «реформ». Сказанное относится не только к системе уголовной юстиции, но и в целом к функционированию социальных институтов, обеспечивающих жизнедеятельность общества в целом и каждого гражданина в отдельности. В транзитивных странах, как правило, наблюдается значительный рост преступности. Украина в этом смысле не стала исключением.

Существенная активизация преступности в 90-е годы прошлого столетия отмечалась во всех странах бывшего СССР. По оценке Межгосударственного статистического комитета СНГ, количество зарегистрированных преступлений в странах СНГ в 1995 г., на который приходится пик преступности после развала СССР, по сравнению с 1991 г. выросло на 22 % — с 2 млн 168 тыс. до 2 млн 755,7 тыс. Общее число осужденных по приговорам, вступившим в законную силу, увеличилось до 1 млн 36 тыс., или на 12 %. Максимально высокого уровня достиг и коэффициент судимости — 875 человек на 100 тыс. человек населения в возрасте от 14 лет и старше. Обобщая данные за 1991–1995 годы, Межгосударственный статистический комитет СНГ отмечал, что «криминальная среда активно консолидировалась, приобретает более высокий профессионализм и организованность, многоцелевую и крупномасштабную ориентацию, захватывает в сферу своего влияния новые слои и категории населения» [3].

Обширную информацию о состоянии преступности в контексте переходных процессов в Украине содержит фундаментальное исследование А. Г. Кулика, В. И. Бобыря «Общая тенденция преступности в Украине в 1972–1993 гг. и прогноз на ближайшие годы», которое использовалось в дальнейшем многими учеными Украины для оценки криминогенных процессов в обществе. Большая часть сформулированных авторами исследования выводов и прогнозов нашла своё подтверждение в реальной жизни [4].

Об ускоренной криминализации постсоветского общества в период распада СССР и развала экономической, правовой и политической сис-

темы государства свидетельствуют статистические данные о состоянии преступности в Украине в период 1973–2000 годов. Всего за эти годы было зарегистрировано 9 317 993 преступления, выявлено 6 063 105 человек, совершивших преступления и осуждено 4 247 669 человек. Коэффициенты интенсивности преступности в Украине с 1986 г. по 1995 год на 100 тысяч населения составляли: в 1986 г. — 488 преступлений, в 1987 г. — 484, в 1988 г. — 473, в 1989 г. — 623, в 1990 г. — 718, в 1992 г. — 921, в 1993 г. — 1033, в 1994 г. — 1096, в 1995 г. — 1241, в 1996 г. — 1202, 1997 г. — 1159 преступления. Годы наивысшей криминальной активности пришлось на период становления украинской государственности, т.е. на середину девяностых годов (1995 г.). Заметим, что с 1996 по 2010 г. наблюдался некоторый спад криминальной активности по сравнению с 1995 годом, при этом фиксировалось уменьшение не только уровня зарегистрированной преступности, но и судимости, что обусловлено, прежде всего, субъективными причинами.

В целях сравнительного криминологического анализа состояния преступности за годы, предшествующие распаду СССР, и первые годы существования независимых государств, выделим три временных периода в развитии советского государства, существенно отличающихся политической ситуацией, состоянием экономики, особенностями правового регулирования.

Первый анализируемый период (1973–1981 годы) — это так называемый «застойный» период, расцвет административно-командной системы управления обществом (условно назовём его «период Л.И. Брежнева») (табл. 1).

Второй рассматриваемый период — 1982–1990 годы (табл. 2) — период, получившей всемирную известность «перестройки» (не случайно слово «perestrojka» на Западе не переводилось), наметившейся в год прихода к власти Ю. В. Андропова, а идеологически обоснованной и внедренной в жизнь М. С. Горбачевым с середины восьмидесятых годов [5]. Не анализируя причины развала СССР, так как это не является предметом данного исследования, отметим, что либеральные перемены привели не только к невиданной для страны демократизации общественной жизни, но и обнаружили громадный криминальный потенциал необдуманной стратегически и тактически «перестройки» социалистического общества, который в полной мере раскрылся в теперь уже «знаменитые» 90-е годы прошлого века. Данные об уровне преступности и судимости за эти годы подтверждают сказанное.

Третий период — 1991–2000 годы — распад СССР, возникновение и становление независимых государств (табл. 3).

Каждый из выделенных периодов характеризуется ярко выраженными особенностями, отражение которых в определенной степени можно найти в криминальной статистике.

Так, за период 1973–1981 годов было зарегистрировано 1 447 045 преступлений. Аналогичные показатели в 1982–1990 годах

Таблица 1

**Уровень преступности и судимости в Украине
в 1973—1981 гг.**

Годы	Зарегистрировано преступлений (% к уровню предыдущего года)	% к уровню 1973 г.	Выявлено лиц, совершивших преступления (% к уровню предыдущего года)	% к уровню 1973 г.	Осуждено	% к уровню 1973 г.	В т.ч. к лишен. свободы	Удельный вес
1973	128 340 (94,6)	100	136 752 (96,2)	100	103 969	100		
1974	144 325 (112,5)	112,5	142 517 (104,2)	104,2	110 373	106,2		
1975	145 117 (100,5)	113,1	152 761 (107,2)	111,7	110 419	106,2		
1976	148 514 (102,3)	115,8	153 411 (100,4)	112,2	113 294	109,0		
1977	141 604 (95,3)	110,3	138 455 (90,3)	101,2	104 100	100,1		
1978	155 088 (109,5)	120,8	145 240 (104,9)	106,2	113 338	109,0		
1979	178 019 (114,8)	138,7	153 623 (105,8)	112,3	123 566	118,8		
1980	196 902 (110,6)	153,4	175 244 (114,1)	128,1	138 223	132,9		
1981	209 136 (106,2)	163,0	189 252 (107,8)	138,4	151 495	145,7		
Всего	1 447 045		1 387 255		1 068 777			

Таблица 2

**Уровень преступности и судимости в Украине
в 1982—1990 гг.**

Годы	Зарегистрировано преступлений (% к уровню предыдущего года)	% к уровню 1982 г.	Выявлено лиц, совершивших преступления (% к уровню предыдущего года)	% к уровню 1982 г.	Осуждено	% к уровню 1982 г.	В т.ч. к лишен. свободы	Удельный вес
1982	212 990 (101,8)	100	196 551 (103,9)	100	162 777	100		
1983	236 580 (111,1)	111,1	209 083 (106,4)	106,4	167 901	103,8		
1984	229 712 (97,1)	107,9	203 034 (97,1)	103,3	169 509	104,1		
1985	249 553 (108,7)	117,2	226 072 (111,3)	115,0	173 877	106,8		
1986	248 663 (99,6)	116,8	230 236 (101,8)	117,1	167 572	103,0		
1987	237 821 (95,6)	111,7	204 482 (88,8)	104,0	124 905	76,7	38 845	31,1%
1988	242974 (102,2)	114,1	172 703 (84,5)	87,9	90 987	55,9	29 372	32,3%
1989	322340 (132,7)	151,3	173 997 (100,7)	88,5	90 121	55,4	31 197	34,6%
1990	369809 (114,7)	173,6	186 683 (107,3)	95,0	104 199	64,0	35 947	34,5%
Всего	2 350 442		1 802 841		1 251 848			

Таблица 3

**Уровень преступности и судимости в Украине
в 1991–2000 гг.**

Годы	Зарегистрировано преступлений (% к уровню предыдущего года)	% к уровню 1991 г.	Выявлено лиц, совершивших преступления (% к уровню предыдущего года)	% к уровню 1991 г.	Осуждено	% к уровню 1991 г.	В т.ч. к лишен. свободы	Удельный вес
1991	405 516 (109,7)	100	187 468 (100,4)	100	108 555	100	35 045	32,3%
1992	480 478 (118,5)	118,5	207 326 (110,6)	110,6	115 260	106,2	38 740	33,7%
1993	539 299 (112,2)	133,0	242 363 (116,9)	129,3	152 878	140,8	54 019	35,3%
1994	571 891 (106,0)	141,0	269 061 (111,0)	143,5	174 959	161,2	63 572	36,3%
1995	641 860 (112,2)	158,3	340 421 (126,5)	181,6	212 915	196,1	74 689	35,1%
1996	617 262 (96,2)	152,2	339 530 (99,7)	181,1	242 124	223,0	85 824	35,4%
1997	589 208 (95,5)	145,3	337 908 (99,5)	180,3	234 613	216,1	83 396	35,1%
1998	575 982 (97,8)	142,0	330 067 (97,7)	176,1	232 598	214,3	86 437	37,2%
1999	545 416 (94,7)	134,5	309 808 (93,9)	165,3	222 239	204,7	83 339	37,5%
2000	553 594 (101,5)	136,5	309 057 (99,8)	164,9	230 903	212,7	82 869	35,9%
Всего	5 520 506		2 873 009		1 927 044			

составили 2 350 442 преступлений, в 1991–2000 годах — уже 5 520 506 преступлений. Зафиксированный уровень прироста преступлений по отношению к 1973 г. составил в 1983 г. — 184,3%, в 1995 г. — 500,1 % (!), в 2000 г. — 431,4%.

Соответственно этим показателям выглядят и данные относительно выявленных лиц, совершивших преступления. В 1973 г. было установлено 196 551 лицо, совершившее преступление, в 1983 г. — 209 083, что составило по отношению к 1973 г. 152,9 %. Соответственно, в 1995 г. было выявлено уже 340 421 лицо (248,9 % к 1973 г.), а в 2000 г. — 309 057 лиц (226 %). Учитывая высокий уровень латентности отдельных видов преступлений, можно предположить, что реальное количество совершенных преступлений и лиц, их совершивших, во много раз превышает официальные данные.

Анализируя приведенные статистические данные и уровень латентной преступности, следует отметить, что преступность по своим качественным и количественным характеристикам, территориальной распространённости, социально-демографическим характеристикам лиц, в неё вовлечённых, представляет устойчивое социальное явление, развивающееся в соответствии с логикой развития общества в целом.

Стремительное ухудшение криминальной ситуации в стране и в отдельных регионах наблюдалось в периоды наиболее явной экономической

кой и политической нестабильности, развала сложившихся институтов общества. Поражает низкая эффективность деятельности правоохранительных и судебных органов, оставляющих без разрешения по сути девять из десяти заявлений граждан о совершенных преступлениях. Причины сложившегося положения кроются в особенностях политико-правовой и экономической ситуации в стране, которая охватывается понятием «институциональный кризис».

Профессор В. И. Шакурн в своей острополюемической книге «Власть и преступность» приводит конкретные факты, свидетельствующие о развале экономики и политических институтов в середине 90-х годов прошлого века и, как следствие, криминализации органов власти и управления. В частности, анализируя развитие общества в 90-е годы, он делает вывод, что «...сегодня в Украине мы имеем государство, в котором объединились государственные бюрократы всех уровней, «теневая номенклатура», лидеры теневого и полутеневого мира. Как раз они осуществляют тотальный контроль за распределением и перераспределением собственности и экономических ресурсов» [6].

Достаточно резок в своих оценках был в своё время Президент Украины Л. Д. Кучма. На заседании расширенной Коллегии МВД Украины 5 августа 1994 года Л. Д. Кучма таким образом обозначил основные угрозы, исходящие, как он назвал, от «пятой власти»: «Среди многих факторов, подталкивающих процессы саморазрушения экономики украинского общества, есть и такие, которые либо граничат с криминогенной сферой, либо носят откровенно антизаконный характер. Если дать политическую оценку этому явлению, то мы должны прямо признать: в Украине сформировалась пятая власть. ...Эта власть невидима. Но на сегодняшний день она наиболее сплочена. Владеет реальными рычагами влияния на государственные органы всех уровней, на определение нашего экономического режима, правоохранительные институты, на средства массовой информации, на формирование общественного мнения по тем или иным общественным вопросам. ...Достаточно сказать, что по социологическим оценкам почти половина населения считает: именно эта власть определяет направление политико-экономического развития Украины» [7].

Нет оснований не доверять Президенту Украины, имевшему полную информацию по данному вопросу. Даже если учесть, что оценка криминальной ситуации в стране была сделана высшим должностным лицом еще в 1994 г. и не тождественна нынешнему состоянию преступности, то, тем не менее, нельзя не отметить содержательную точность отмеченных тенденций криминализации основных институтов общества. Остается лишь задуматься о том, почему при такой информированности и широких полномочиях на государственном (президентском) уровне не были осуществлены решительные меры по противодействию этой пресловутой «пятой власти».

По данным Межведомственного научно-исследовательского центра

при Координационном комитете по борьбе с коррупцией и организованной преступностью при Президенте Украины, относящимся к 1998 г., ситуация в стране на рубеже веков кардинально не изменилась. Аналитики отметили сохранение реальных угроз со стороны «пятой власти» конституционному строю, суверенитету и территориальной целостности государства, экономике, социальной структуре общества, государственным силовым структурам (Вооруженным силам, СБ, МВС Украины), духовным ценностям и морали, средствам массовой информации [8].

Через десять лет после процитированного выше выступления Л. Д. Кучмы состояние в сфере противодействия преступности не претерпело изменений. На съезде судей Украины в 2005 году Президент Украины В. А. Ющенко так охарактеризовал криминальную ситуацию в стране: «Судоустройство в Украине вследствие разбалансированных действий всех ветвей власти имеет на сегодня несистемную процессуальную структуру. Это приводит к существенной несогласованности судебных решений, разрушает единство судебной практики, крайне отрицательно влияет на ее стадии. На практике это применяется для реализации коррупционных схем, «черного правосудия» и ведет к парадоксальным случаям, когда судья местного суда одной юрисдикции останавливает, отменяет решение суда другой юрисдикции или даже высшего суда другой юрисдикции. ...Криминальная юстиция в Украине и сейчас является действенным инструментом ограничения демократии. Ее активно используют в политических и экономических целях, как на высшем политическом уровне, так и в местном масштабе. Обвинительный уклон получил значительное развитие, обновленное качество. ...По заключению международных экспертов, нынешнее количество обвинительных приговоров в Украине может свидетельствовать о наличии предубежденности в действиях судей и пренебрежении презумпцией невиновности. В Украине на 100 тысяч населения ежегодно по приговорам суда в местах лишения свободы находятся 416 лиц; в Эстонии, Латвии, Литве — 339, 234 соответственно, Таджикистан — 161, Болгария — 127. В европейских странах, как правило, это 60 человек. Почти половина судебных решений не выполняется. ...По всей стране из 739 помещений судов лишь 88 пригодны для работы, 53 фактически находятся в аварийном состоянии. Более чем 1,5 тысячи судей не имеют жилья. Нет достойного ответа на высокий уровень коррупции в судах. По данным опроса «Українського демократичного кола», рейтинг коррумпированности суда 3,52 баллов по пятибалльной системе. При этом в 2005 году за нарушение присяги уволено всего 4 судьи. Суды во многих случаях перестали быть авторитетом для общественности, более половины граждан им не доверяют. По данным Института социальной и политической психологии, 63,7 % населения не доверяют судам» [9].

Положение в этой сфере к 2010 году фактически не изменилось, а по основным направлениям (уровень коррупции, системность управления

государством и его институтами, сбалансированность власти) ухудшилось.

Так, в концепции реформирования системы уголовной юстиции Украины, рассмотренной Советом национальной безопасности и обороны 15 февраля 2008 г., отмечается, что существующая система уголовной юстиции не в полной мере отвечает новым общественным отношениям, которые сложились в Украине, и не обеспечивает надлежащего состояния правопорядка, эффективной защиты лиц, общества и государства от опасных посягательств на социальные ценности, права и законные интересы, является громоздкой, внутренне противоречивой, усложненной. «Предыдущие многочисленные изменения в структуре органов уголовной юстиции не имели системный характер. Они были преимущественно направлены на удовлетворение ведомственных интересов и не обеспечили создания оптимальной системы предупреждения преступных деяний, их выявления, расследования и наказания виновных лиц. Система органов, которые традиционно называют «правоохранительными» (органы внутренних дел, Служба безопасности Украины, Государственная пограничная служба Украины, налоговая милиция и другие органы, которые должны осуществлять дознание, следствие, применять административные санкции), создана как механизм преследований и репрессий и не была трансформирована в институт защиты и восстановления нарушенных прав лиц. Не проводились эффективные мероприятия по снижению уровня коррупции в этой системе. Доверие общества к этим органам является недостаточным для их эффективной работы» [10]. К этим выводам трудно что-то добавить. Как и во множестве предыдущих официальных документов в этом тексте отражено реальное положение дел.

В другом решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 21 апреля 2008 года «О мерах по реализации национальной антикоррупционной стратегии и институциональному обеспечению целостной антикоррупционной политики» отмечается: «До настоящего времени не создано надлежащей законодательной базы для более эффективного противодействия коррупции, нерешенными остаются вопросы усиления ответственности за коррупционные деяния, ограничения иммунитетов, институционального обеспечения противодействия коррупции, внедрения судебной реформы» [11].

Ситуация в этой сфере не меняется и в дальнейшем, так как через полгода в Указе Президента Украины В.А. Ющенко от 31 октября 2008 г. «О состоянии противодействия коррупции в Украине» дословно изложена приведенная выше цитата из решения СНБО от 21 апреля 2008 г. [12]. Можно привести множество других примеров, свидетельствующих о нежелании высших институтов власти проявить волю в противодействии преступности и коррупции.

Известный российский историк А. Фурсов таким образом рассматривает перспективы развития государства в условиях криминализации

общества: «Национальное государство ржавеет. Об этом уже и не спорят. Спорят о том, что придет на смену нации-государству. Одни полагают — мировое правительство, другие — цивилизации, третьи — регион-государства. Нация-государство действительно уходит, но государство еще достаточно сильно и не позволяет никому занять его место. Оно остается, но теряет свою национальную форму. На смену нации-государству грядет корпорация-государство» [13].

В его понимании корпорация-государство — такое устройство, цели, функционирование которого носят прежде всего экономический характер, а «вся деятельность подчинена извлечению выгоды хозяевами данной корпорации». Как следствие, корпорации-государства требуют минимизации политических и социальных издержек по содержанию территории прописки — от сведения к минимуму социальных обязательств, характерных для государства, до избавления от экономически лишнего, нерентабельного, с экономической (корпоративно-государственной) точки зрения, населения (от отсечения от «общественного пирога» до фактического исключения из реальной жизни). Как только главным для государства провозглашается экономическая конкурентоспособность в глобальном масштабе, о социальной и национальной составляющих государства можно забыть — государство начинает вести себя как корпорация, в которой все определяется экономической эффективностью: «выживает сильнейший» и «ничего личного» [13]. Граждане стран-корпораций превращаются в почти бесправное стадо, материал для государственных управляющих [14].

С этой точкой зрения совпадают взгляды профессора А. П. Дубнова: «С критики гегелевской философии права молодым Марксом начинается период квалификации государства как преступной организации, поскольку буржуазное (правовое, демократическое, с господством права частной собственности для индивидов и корпораций) государство, по Марксу, является корпорацией государственных бюрократов, владеющих государством как своей частной собственностью. Маркс объявил гегелевскую конструкцию государства и права апологией тотальной криминальности строя частной собственности: в обществе господствует материальный интерес, который представляют индивиды, публичные корпорации и государство; объем наличного материального богатства нации конечен и, хотя растет, не может удовлетворить материальные интересы субъектов во всей их полноте, поскольку они постоянно растут; духовность и нравственность вторична и никогда не будет в состоянии облагородить «войну всех против всех». Таким образом, естественное состояние гражданского общества без государства, иными словами, «всеобщий интерес и сохранение в нем особых интересов» (Гегель) есть фикция; государственная бюрократия (чиновнический аппарат) по определению не может защищать всеобщий интерес государства, она эту фиктивную, мнимую всеобщность защищает только ради своего особого корпоративного интереса, противостоящего интересам других корпора-

ций; бюрократия считает самое себя конечной целью государства, она имеет в своем обладании государство — это ее частная собственность; бюрократия как особая корпорация в государстве сначала борется с другими корпорациями за свое место под солнцем, затем стремится их сохранить, чтобы утвердить свой корпоративный принцип существования. Корпорациям бюрократия нужна как сила, которую можно использовать против других корпораций. В таком подходе — ключ к пониманию того, как возможна преступная организация. Это корпоративность, подминающая под себя государство, право и закон, это овладение государством с позиций частно-корпоративных интересов» [15].

В этой связи особый интерес вызывают осуществленные Л. Геве-рингом системные исследования наиболее опасных форм организации власти — клептократии («власть воров»), лутократии («власть грабителей») и плутократии («власть богатства») [16]. Механизмы обогащения представителей различных элит, процессы становления «культуры богатства» представляют собой сложный социально-экономический процесс. Л. Гевелинг подробно анализирует тенденции формирования теневой экономики, развития криминальных синдикатов, мафиозных структур и управления нелегальным бизнесом [17]. Клептократия, по его определению, это базирующаяся на коррупции форма организации власти и адекватная ей социально-политическая группа, члены которой, допуская серьезные нарушения общественных норм, используют свои властные (обычно государственно-политические) полномочия для быстрого самообогащения и укрепления ключевых позиций в обществе. Системный анализ клептократии предполагает изучение «родственных» категорий, прежде всего, лутократии, представляющей собой конгломеративную группу лидеров криминального социума, которая опирается в своем функционировании и развитии на негативную экономику и потенциально ориентируется на создание соответствующей формы организации власти. В ряде стран клептократия и лутократия действуют во взаимосвязи и эволюционируют в сторону плутократии. «Идеальная» плутократия, выступая в качестве референтной группы как для клептократов, так и для лутократов, воплощает социальный результат индивидуального или узкокорпоративного обогащения, а также институционализированный синтез политической власти и богатства [18].

Российские ученые следующим образом характеризуют политико-правовую ситуацию в России: «В настоящее время в политико-административной элите можно наблюдать двоякий процесс: с одной стороны, происходит перерождение «старых» сегментов политического класса (в частности, превращение управленческих команд в нечто вроде образований мафиозного типа, где критика лидера — преступление, а лояльность ему — выше закона; преобразование некоторой части силовых ведомств в отряды наемников разных политиков; расширение практики физического устранения политических конкурентов; атрофия политической воли к легальному наведению порядка и т.д.), с другой — расширение в сфере

управления числа явно криминализированных объединений, экспортированных действующей властью из сферы теневой экономики и превратившей (по крайней мере, их верхушку) в составную часть правящего класса», — пишут Н. П. Распопов и А. А. Сергунин [19].

Обычно в обществе существуют упрощенные представления об элите. Р. Миллс уточняет: «Властвующая элита состоит из людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупнейшие последствия. Принимают ли они эти решения или нет — это менее важно, чем самый факт владения такими ключевыми позициями; их уклонение от известных действий и решений само по себе является действием, зачастую влекущим за собой более важные последствия, чем решения, которые они принимают. Это обусловлено тем, что они командуют важнейшими иерархическими институтами и организациями современного общества. Они руководят крупными корпорациями, они управляют механизмом государственной власти и претендуют на ее прерогативы. Они направляют деятельность военного ведомства. Они занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых ныне сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность, которыми они пользуются» [20].

Кланы, квазиродоплеменные структуры, «семьи» делают решающим фактором общественной жизни личные связи, личную лояльность, справедливо отмечает В. Г. Федотова. «Самые демократические политики требуют от единомышленников любви и безусловной преданности, а не служения отечеству. Взятка и подкуп разрушают эти патриархальные отношения, но только для того, чтобы воспроизвести их в другом клане. Архаические начала питают криминализацию. В группах с архаической связью демонстрация лояльности граничит с криминальностью, отношения характеризуются зависимостью, «повязанностью». Социетальные сообщества такого рода легко переваривают и социализм, и капитализм, последний в особенности, так как перспектива наживы делает группировки тесно связанными и сплоченными, устремленными во власть или стремящимися ею манипулировать [21]. Легко заметить, что среди современных «левых» мы можем найти и социалистов, и капиталистов, нередко связанных с криминальным миром.

Важным моментом в оценке криминализации власти является уровень нравственности лиц, её представляющих, и законов, принимаемых этой властью. Выше мы отмечали, что общество склонно оценивать преступность не только как противоправную, запрещенную деятельность, но прежде всего, как явление, противоречащее идеалам справедливости, критериям морали и нравственности. Безнравственные законы порождают безнравственное поведение. В. В. Лунеев констатирует наличие прямой корреляционной зависимости между уровнем преступности и состоянием нравственно-правовых устоев политической и особенно правящей элиты общества. Она отражает общую причинную базу

коррелируемых явлений, связь их криминальных состояний и устойчивую взаимообусловленность. Криминологическая обстановка в стране оказывает существенное влияние на уровне криминальности элитарных кругов, а противоправное и иное отклоняющееся поведение последних является серьезным криминогенным фактором в структуре причин преступного поведения граждан. Поэтому есть основания полагать: чем выше уровень преступности в обществе, тем выше уровень криминальности элитных групп и наоборот; чем выше криминальность элиты, тем выше уровень преступности среди всего населения той или иной страны [22].

По мнению Т. Н. Заславской и М. А. Шабановой три базовых, системообразующих макроинститута общества — экономика, политика и право — подверглись преобразованиям в неодинаковой степени, одновременно и с разным успехом. «Причем в самом удручающем положении оказалось право ...Новое институциональное пространство по-прежнему базируется на праве сильного при беззащитности слабого. Таким образом, за формально расширившимися правами граждан часто скрываются все те же отношения господства-подчинения, которые доминировали в «административно-командной» системе и которые за годы общественных преобразований еще более усилились в связи с погружением в неправовое поле», — отмечают социологи [23].

Система политического и экономического устройства государств транзитивного типа такова, что все названные выше свойства корпорации-государства, а фактически — клана-государства, мы с легкостью обнаружим в деятельности его основных институтов. Государство-клан или государство-корпорация, олицетворяемые термином «власть», получает то очевидное преимущество, которое заключается в возможности по своему усмотрению проявить себя «благодетелем» по отношению к той или иной социальной группе, тому или иному региону, той или иной отрасли, предприятию, финансовому учреждению. Повышение зарплат и пенсий, выплаты тем или иным категориям населения вознаграждений или задолженностей — это становится частью политики государства-корпорации. Государство переходного типа, как правило, переживает не просто реформы, а жесточайшую конкуренцию экономических кланов на грани взаимного уничтожения в борьбе за экономическое господство и политическую власть. Очевидно, что наиболее благоприятными условиями для завладения рычагами экономического и политического влияния является ситуация разбалансированности социальных институтов. Отсюда — постоянные (плановые и досрочные) выборы на всех уровнях, бесконечные кадровые перестановки, смены руководителей правительства, министерств и ведомств, необоснованные реорганизации и преобразования учреждений и т.д.

Нынешняя власть в Украине предпринимает усилия по стабилизации социальной ситуации в стране, несмотря на то, что страна в настоящее время находится на пути очередных социально-экономических и право-

вых реформ. Однако программа этих реформ и их содержательный контекст дают основание надеяться, что общество вступает в фазу устойчивого социального развития, в условиях которого возможна организация эффективного противодействия преступности. Противодействие криминализации общества рассматривается как первоочередная внутригосударственная задача и в то же время как одна из важнейших проблем глобального уровня.

Примечания и литература

1. Проблемы переходов от одних качественных состояний социальной динамики и институциональной системы к другим создали блок методологических подходов и теоретических концептов, которые постепенно складываются в особую субдисциплину, называемую «транзитологией». См.: Дегтярев А. А. Основы политической теории : учеб. пособие / А. А. Дегтярев ; Ин-т «Открытое о-во». — М. : Высш. шк., 1998. — С. 209.) Принято считать, что термин «транзитология» (*transitology*) был предложен в 1992 г. М. Бэравуа (Michael Buravoi). Специалисты (в частности, И. А. Быков) отмечают некоторую «политическую ангажированность» многих научных исследований по этой теме. Мы используем данный термин вне политического контекста.
2. Linz J. Problems of Democratic Transition and Consolidation / J. Linz, A. Stepan. — Baltimore and London : The Johns Hopkins University Press, 1996. — P. 38–54.
3. Рывкина Р. В. Социальные корни криминализации российского общества / Р. В. Рывкина // Социологические исследования. — 1997. — № 4. — С. 73–83.
4. Кулик А. Г. Общая тенденция преступности в Украине в 1972-1993 гг. и прогноз на ближайшие годы / А. Г. Кулик, В. И. Бобырь // Преступность в Украине : бюл. законодательства и юридической практики Украины. — 1994. — № 2. — С. 5–37, 13–185.
5. К «перестройке» обнаруживается разное отношение и её анализу посвящено много работ, в том числе и критических. В одном из словарей её характеризуют довольно однозначно: «...Кроме восхваляемых нынешними «демократами» и «либералами» ценностей (демократия западного типа, свобода, гласность), перестройка и сопутствующие ей демократические реформы привели к: разделу страны на суверенные государства, разделению русского народа, потере мирового авторитета страны на мировой арене, ограблению и обнищанию населения, развалу самых передовых отраслей промышленности, глобальному изменению массового сознания, приходу к власти коррумпированных элементов, разгулу преступности (в том числе и этнической), наркомании, проституции, снижению рождаемости, обострению межнациональных отношений и многому другому...». — Мир словарей. Электронный ресурс. — Режим доступа : http://mirslovarei.com/content_pol/PERESTROJKA-683.html.
6. Шакун В. И. Влада и злочинність / В. И. Шакун. — К., 1997. — С. 202.
7. Кучма Л. Д. У нас есть шанс остановить мафионизацию украинского общества. Выступление Президента Украины на расширенной Коллегии Министерства внутренних дел Украины 5 августа 1994 года / Л. Д. Кучма // Голос Украины. — 1994. — 10 авг.
8. Соціально-кримінологічна характеристика «п'ятої влади» // Науково-аналітичний бюлетень Міжвідомчого науково-дослідного центру при Координаційному комітеті по боротьбі з корупцією та організованою злочинністю при Президенті України. — 1998. — № 2. — С. 60–73.
9. Стенограмма выступления Президента Украины В. А. Ющенко на VII съезде судей Украины // Официальный сайт Президента Украины: [Электронное издание]. — Режим доступа : <http://www.president.gov.ua/ru/news/1599.html>.

10. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 15 лютого 2008 року Про хід реформування системи кримінальної юстиції та правоохоронних органів : Указ Президента України № 311/2008 від 8 квіт. 2008 р. [Електронний ресурс] // Офіц. сайт Ради нац. безпеки та оборони. — Режим доступу: <http://www.rainbow.gov.ua>
11. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 21 квітня 2008 року Про заходи щодо реалізації національної антикорупційної стратегії та інституційного забезпечення цілісної антикорупційної політики : Указ Президента України № 414/2008 [Електронний ресурс] // Офіц. сайт Ради нац. безпеки та оборони. — Режим доступу : <http://www.rainbow.gov.ua>
12. Указ Президента України № 1101/2008 «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 31 жовтня 2008 року «Про стан протидії корупції в Україні» [Електронний ресурс] // Офіц. сайт Президента України. — Режим доступу : <http://www.president.gov.ua/gu/news/1599.html>
13. Фурсов А. Государство, оно же корпорация / А. Фурсов // Эксперт Украина. — 2006. — 20 февр. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.expert.ua/articles/8/0/1586/>.
14. Калашников М. Рождение государств-мутантов. Государства-нации скоро заменят государства-корпорации. Ч. 1 [Электронный ресурс] / М. Калашников. — Режим доступа : www.km.ru/strategy/archive.asp?
15. Дубнов А. П. Коррупция как глобальная проблема современности [Электронный ресурс] / А. П. Дубнов // Владивостокский центр по изучению организованной преступности. — Режим доступа : http://crime.vl.ru/docs/konfs/ekat_1.htm
16. Гевелинг Л. В. Клептократия: Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти / Л. В. Гевелинг. — М. : Гуманитарий, 2001. — 590 с.
17. Гевелинг Л. В. Клептократия / Л. В. Гевелинг. — М. : Гуманитарий, 2001. — 592 с. ; Гевелинг Л. В. К политологической теории плутократии (основные и параллельные формы организации власти в странах Западной Африки) / Л. В. Гевелинг // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. — 1998. — № 3. — С. 21–37 ; Гевелинг Л. В. Теневая экономика. Формирование криминальных структур / Л. В. Гевелинг // Капитализм в Африке: особенности и противоречия развития. — М. : Наука, 1993. — С. 235–246 ; Гевелинг Л. В. Плутократия. Черты эталонной модели / Л. В. Гевелинг // Механизмы политической власти в странах Западной Африки. — М. : ИНФРА, 1991. — С. 72–88 ; Гевелинг Л. В. Парадоксы бюрократизации российского общества: между социализмом, капитализмом и паразитоценозом / Л. В. Гевелинг // Мировая экономика и международные отношения. — 1996. — № 12. — С. 99–106; Гевелинг Л. В. Феномен и механизмы деструктивного развития обществ переходного типа (к итогам дискуссии) / Л. В. Гевелинг // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2000. — № 5. — С. 76–91. Гевелинг Л. В. Клептократия: Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти / Л. В. Гевелинг. — М. : Гуманитарий, 2001. — 590 с.; Гевелинг Л. В. Коррупционные формы политического финансирования: материальная основа распространения терроризма / Л. В. Гевелинг // Финансовый мониторинг потоков капитала с целью предупреждения финансового терроризма. — М. : Изд-во МНЭПУ, 2005. — С. 111–142; Гевелинг Л. В. Деструктивные формы организации власти (клептократия, лутократия, плутократия в политической жизни африканской страны) : курс лекций. Текстовое (символьное) электронное издание / Л. В. Гевелинг. — М. : ИСАА при МГУ, 2004.
18. Гевелинг Л. В. Деструктивные формы организации власти (клептократия, лутократия, плутократия в политической жизни африканской страны) : курс лекций. Текстовое (символьное) электронное издание [Электронный ресурс] / Л. В. Гевелинг. —

- М.: Ин-т стран Азии и Африки МГУ, 2004. — Режим доступа: http://www.iaas.msu.ru/pubon_r.html
19. Распопов Н. П. Клиентарные отношения и бизнес-элиты в российской модернизации / Н. П. Распопов, А. А. Сергунин // «Коррупция в России: муниципальные, региональные, федеральные и международные аспекты». Аналитический доклад. Нижний Новгород: Центр социально-экономической экспертизы, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, 2000. — http://www.transparency.org.ru/CENTER/DOC/article_03_intr.doc.
 20. Данилов А. Н. Социология власти: теория и практика глобализма / А. Н. Данилов. — Мн.: Университетское, 2001. — 447 с. — С. 142.
 21. Федотова В. Г. Криминализация России. Автохтонный капитализм как реакция на правый радикализм / В. Г. Федотова // Свободная мысль. Теоретический и политический журнал. — 2000. — № 2. — С. 34–51.
 22. Лунеев В. В. Криминогенная обстановка в России и формирование новой политической элиты / В. В. Лунеев // Социологические исследования. — 1994. — № 8–9. — С. 89–101.
 23. Заславская Т. И. К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда / Т. И. Заславская, М. А. Шабанова // Мир России. — 2002. — Т. 11, № 2. — С. 3–38, 7–8.

А н н о т а ц и я

Дрёмин В. Н. Институциональный кризис и криминализация власти в транзитивном обществе: политико-криминологический анализ. — Статья.

В статье рассматриваются особенности преступности в постсоветских странах в 90-е годы, когда произошло институциональное разрушение общества. Рассматриваются перспективы развития государства в условиях ускоренной криминализации общества и проникновения преступности во власть. Обосновывается вывод о том, что слияние криминалитета и власти создает предпосылки для появления государства нового типа — криминального государства. Противостояние криминальной государственности рассматривается как первоочередная задача и одна из важнейших проблем глобального уровня.

Ключевые слова: преступность, власть, криминализация общества, криминализация власти, криминальное государство, противодействие криминализации государства

А н о т а ц і я

Дрёмін В. М. Інституційна криза і криміналізація влади в транзитивному суспільстві: політико-криминологічний аналіз. — Стаття.

У статті розглядаються особливості злочинності в пострадянських країнах у 90-ті роки, коли відбулося інституційне руйнування суспільства. Розглядаються перспективи розвитку держави в умовах прискореної криміналізації суспільства і проникнення злочинності у владу. Обґрунтовується висновок про те, що злиття криміналітету і влади створює передумови для появи держави нового типу — кримінальної держави. Протистояння кримінальної державності розглядається як першочергове завдання і одна з найважливіших проблем глобального рівня.

Ключові слова: злочинність, влада, криміналізація суспільства, криміналізація влади, кримінальна держава, протидія криміналізації держави

S u m m a r y

Dryomin V. N. Institutional crisis and criminalization the authorities in the transitive society: political and criminological analysis. — Article.

The article discusses the features of criminality in the post-Soviet countries in the 90s. The perspectives of a state development in the conditions of an accelerated criminalization of the society and the penetration of criminality into public authorities are approached. Arguments are brought for the conclusion that the merge of criminality and public authorities creates the prerequisites for the emergence of a new type of state — a criminal state. Opposing the criminal statehood is regarded as a top priority and one of the major global problems.

Keywords: crime, public authority, society criminalization, public authority criminalization, criminal state, countering the state criminalization